

© 2001 г. О.Ф. ЖОЛОБОВ

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ КАК ЧАСТЬ РЕЧИ*

"Числа же, если их брать сами по себе, неувеличиваемы и неуменьшаемы. Как можно увеличить или уменьшить тройку? Три яблока я могу уменьшить, съевши одно из них. Но сама по себе тройка не зависит ни от каких яблок и ни от какой еды... Количество есть только одно из проявлений умного числа в меоне".

А.Ф. Лосев

В историческом языкознании сложилось убеждение в том, что числительные как самостоятельная часть речи в славянских языках являются плодом позднего развития и до XVII в. об этом частеречном классе можно говорить лишь условно [Багрянский 1960: 4; Дровникова 1985: 4; Еленски 1978: 81; Супрун 1969: 5; Хабургаев 1990: 258–259 и сл.; Kiparski 1967: 173]. В. Кипарский указывает, что впервые этот взгляд был сформулирован в книге Ю. Шереха (Шевелева), который пришел к выводу, что в праславянском языке числовые слова не образовывали единой системы, отличаясь морфологической неоднородностью и пестротой синтаксических связей¹. Нужно уточнить, что точка зрения Ю. Шереха гораздо радикальнее и в книге говорилось не о праславянском, а об исторических славянских языках². Формирование "новой" части речи в имеющихся работах, по существу, так или иначе отождествляется со становлением современной литературной, прежде всего словоизменительной нормы, в которой числительные обретают черты морфологической самодостаточности. Подобный взгляд на проблему числительных высказал Г.А. Хабургаев: "Если к древнерусским счетным словам подойти с позиций тех признаков, по которым числительные должны быть выделены в самостоятельную часть речи в современном русском языке, то придется признать, что в период древнейших восточнославянских памятников такого разряда имен (числительных как части речи) выделять нет оснований" [Хабургаев 1990: 259]. В таком подходе не может устроить исторический редуционизм: исходя из того, что древнерусские числительные отличаются от современных, утверждается, что их нет вовсе, – словно "счетные слова" являются древнеславянским приобре-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, номер проекта 00-04-0313а.

¹ Ю. Шерех заключает, сосредоточив в своем труде основное внимание на анализе украинского диалектного и литературного материала: "Wir erinnern an einige allgemein bekannte Tatsachen: an die Zugehörigkeit der Zahlwörter in den slavischen Sprachen nicht nur zu verschiedenen Stämmen (-i Stämme, konsonantische Stämme), sondern auch zu verschiedenen Klassen: Pronom. (*dva*), Adj.-Subst. (*try, čotyry*), Subst. (*pjat'* und weiter). Dem entsprach die Buntheit der syntaktischen Verbindungen: Kongruenz mit Du. (*dva*), Kongruenz mit Pl. (*try, čotyry*), Regieren (*pjat'* und weiter, aber nicht 11, 12, 13, 14). Mit anderen Worten, das Zahlwort bildete kein System für sich, noch mehr, es bildete nicht einmal einen Redeteil" [Šerech 1952: 39–40]. Здесь и далее цитаты из зарубежных изданий не переводятся, когда даются в подтверждение их изложения по-русски.

² Симптоматично, что порядковые числительные в книге не рассматриваются.

тением, а не составляют один из древнейших корнесловов праиндоевропейской эпохи. Вместе с тем даже в рамках традиционного частеречного учения с его триадой флексивных форм, синтаксической функции и лексического значения древнеславянские числительные могут быть выделены в самостоятельный класс слов, если не брать за скобки какое-нибудь из трех оснований классической теории. Иллюзия лексикограмматической неразвитости числовых слов у славян коренится в том, что не были установлены механизм и причины морфологических изменений числительных, так как наиболее важные в этом случае обстоятельства синтаксического плана до сих пор рассматривались лишь попутно, а функционально-семантическая природа числовых обозначений, по существу, не анализировалась. В соответствии с новыми теоретическими представлениями обособленность числительных как частеречного класса задается их парадигматическими и синтагматическими свойствами, среди которых наиболее яркой особенностью является строгая упорядоченность и иерархичность семантической организации³. Типологические материалы подтверждают частеречный статус числительных: здесь обнаруживается большое разнообразие морфосинтаксических параметров, которые, имея зачастую именную генезис, носят служебный характер и не затрагивают функционально-семантической природы числительных⁴. "Задача исследователя состоит в том, чтобы, не навязывая тому или ином языку категорий, которые являются для него чуждыми, установить, какие общие и особые лексикограмматические разряды в нем существуют и какую систему они образуют" [Dragunov 1960: 4]⁵. Пристальное внимание к разным сторонам изучаемого предмета не должно заслонить целого, как того требует принцип системности описания [Журавлев 1991: 33–34].

О числительных как целостной системе в праславянском языке говорит сложившийся ограниченный инвентарь лексических единиц, к которому приложимо определение, данное еще Ф.И. Буслаевым: "Имена числительные хотя могут восходить до бесконечности, но отличаются от прочих частей речи тем, что вращаются повторением немногих основных названий" (цит. по: [Виноградов 1938: 120]). Не менее определено о системном характере числительных свидетельствует необычная устойчивость словарного состава: все числительные являются непосредственным продолжением индоевропейских лексем⁶. Нет оснований предполагать, что в праславянском не было числительных как обособленного класса слов, если они унаследовали систему числовых обозначений, которая сложилась еще в праиндоевропейскую эпоху. В индоевропейских языках в целом нет иного такого класса слов, включая обозначения семейных отношений, который бы столь же полно и отчетливо сохранил исходный корнеслов, как имена числительные [Winter

³ "It is found in the presence of full ordering among the numeral meanings, which is not to such an extent found in the remaining parts of language" [Gvozdanić 1992: 5–6].

⁴ См., например [Мещанинов 1978]. Ср., в частности, следующее замечание: "Тем самым даже в гилляцком языке с его инкорпорирующим построением членов предложения числительные оказываются обладателями таких свойств, которыми другие имена не отличаются" [Мещанинов 1978: 265].

⁵ "Die Aufgabe des Forschers besteht darin, daß er, ohne einer gegebenen Sprache Kategorien aufzuzwingen, die ihr fremd sind, welche allgemeinen und speziellen lexikogrammatischen Kategorien in ihr zu unterscheiden und welches System sie bilden".

⁶ Сложности в установлении исходных корней единичны. Так, не вполне очевидна этимология славянского **vъtorъ*: здесь предполагается ступень редукции сравнительно с лит. *aĩtras*, *aĩtaras* 'второй, другой', др.-инд. *ántaras* 'другой' (см. [Smoczyński 1989: 61–62]), хотя нет веских доказательств существования здесь в индоевропейском нулевой ступени **ǵteros* (см. [Winter 1992: 735]), поэтому может быть более вероятной связь с другим индоевропейским корнем (ср. скр. *vítarah* 'следующий'). Высказывается также предположение о развитии индоевропейского **ǵi-* 'два' (см. [Aitzetmüller 1978: 141]). Сложности вызывает праслав. **svto* вместо ожидавшегося **seto* при исходном и.-е. **k̑mto(m)*. СЛАВЯНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

1992: 11]⁷. На системный характер числительных в праславянском указывает неизвестный другим классам слов тип отношений – прочная связь количественного и порядкового разрядов, которая также сложилась еще в индоевропейскую эпоху. Системный характер числительных как части речи доказывается отчетливой генетической зависимостью праславянских морфосинтаксических инноваций от индоевропейского источника⁸. Как отмечает А. Мейе: «В то время как склоняемые числительные "один, два, три, четыре" остались нормально склоняемыми прилагательными, следуя индоевропейскому обыкновению, числительные от "пяти" до "десяти", которые в общиндоевропейском языке были несклоняемыми, заменились отвлеченными существительными *пять* "пятерка", *шесть* "шестерка", *седьмь* "семерка", *осмь* "восьмерка", *девятъ* "девятка", являющимися основами на *-i-* и *десять* "десятка" (и далее во всех названиях десятков), являющимися основами на согласную; числительное *съто* – также существительное» [Мейе 1951: 369–370]. Связывающая индоевропейское и славянское употребление историческая преемственность не вызывает сомнений, хотя в высказывании Мейе обнаруживаются неточности, которые касаются возможности номинального употребления числительного 'десять' в индоевропейском, а также отождествления в славянском числительных с прилагательными, с одной стороны, а с другой стороны – с отвлеченными дериватами, так как ни *седьмь*, ни исходное *деса*, ни даже *пять* генетически не содержат отвлеченной суффиксации. В. Вондрак видел в славянских количественных числительных существительные с собирательным значением⁹, что также сомнительно ввиду отсутствия соответствующих индоевропейских образований¹⁰, а также ввиду распространения в славянском дистрибутивно-собирательных числительных типа **dъvojь*, **č'etverь*, наследующих индоевропейские формы.

Исследование О. Семереньи доказало, что числительные как часть речи сложились в индоевропейском, а числительные в праславянском представляют систему форм, которая наследует прежнее состояние и преобразуется в соответствии с их морфосинтаксической природой [Szemerényi 1960: 109–113]¹¹. Порядковые числительные образовались в индоевропейском в результате тематизации типа **dekmt > *dekmtos* (в том числе квазисуффиксальной, которая сформировалась в ходе переразложения в паре **dekmt – dekmtos*, где первая основа – "preconsonantal sandhivariant of **dekmt*" [Szemerényi 1960: 68]). Ранние балтийские и славянские формы количественных и порядковых числительных типа **septin – *septmos* получили разное продолжение. У балтов возникли регулярные формы порядковых числительных типа *septintas*, а у славян развитие прошло через цепь генерализующих трансформаций, в основе которых лежало взаимовлияние количественных и порядковых числительных. Как и в балтийском, в славянском инновации были вызваны образовавшимися в постиндоевропейскую эпоху нерегулярными

⁷ Древнеславянские гиперонимы числовых обозначений имеют индоевропейский корень: праслав **čislo*, **čisme*; др.-инд *kētas* 'мысль, умысел, желание'; авест. *čikrθwā* 'мудрый'; лит *skaityti* 'читать, считать' [Фасмер IV, 375, VŠSI, 82]

⁸ Вместе с письменностью древние славяне обрели и буквенную цифирь, которая фиксирует частеречную обособленность числовых слов. Значения древнеславянского **čiteti > *čisti* 'читать, считать' могут свидетельствовать о появлении цифровых знаков ранее распространения письменности

⁹ "Die Zahlworte *petь* 5, *šestь* 6, *sedьmь* 7, *osmь* 8, *devetь* 9, *desetь* 10 sind eigentlich Subst. mit kollektiver Bed. (also *petь* 'Pentade' usw.), die nach den *i*-St. Dekliniert werden" [Vondrák 1928: 65]

¹⁰ Единичные примеры, в известном смысле случайные и не образующие языковой модели, см. ниже

¹¹ Трудно сказать, что явилось препятствием, но тщательное исследование О. Семереньи осталось не востребованным отечественной славистикой. В другом же нет никакой неожиданности, его результаты приняты Б. Комри в кратком описании числительных у балтов и славян, которое включено в новое монографическое исследование индоевропейских числительных [Comrie 1992].

отношениями между количественными и порядковыми числительными и необходимостью восстановления данной корреляции форм¹² – т.е. внутривидовыми факторами.

Первичным образцом для всех последующих изменений стала пара "семь – седьмой"¹³. В соответствии с индоевропейской парой *septm̥ – *septm̥os сложилась праславянская параллель *setь – *setmъ (>*sedmъ), которая была трансформирована в пару *sedmь – *sedmъ в результате основно-флексионной контаминации количественного и порядкового числительного. Эта пара стала образцом для развития соседней пары *osta – *ostovъ > *ostmъ (>*osmъ) – *ostmъ (>*osmъ), а затем и пар *peče – pečъ > *pečь – pečъ, *še – *šestь – *šestь – *šestъ, различающихся лишь качеством флексивного гласного и типом именного склонения:

индоевропейские количественные числительные	праславянские количественные числительные	индоевропейские порядковые числительные	праславянские порядковые числительные
*penk ^w e >	*peče > *pečь	*penk ^w tos >	*pečъ
*(k)seks >	*še > *šestь	*(k)sektos >	*šestъ
*septm̥ >	*setь > *sedmь	*septm̥os >	*setmъ > *sedmъ
*oktō >	*osto > *osmь	*oktowos >	*ostovъ > *osmъ
*newn̥ >	*nevь > *devь	*newn̥nos >	*nūnъ (n̥jūnъ?) > *devečъ
*dekm̥t̥ >	*dese(t)	*dekm̥tos >	*desečъ

По образцу пар *dese – *desečъ, *pečь – *pečъ образовалась параллель *devečъ – *devečъ, а затем *desečъ – desečъ, однако с сохранением исходного консонантного склонения числительным *desečъ (*dese).

Таким образом, вопреки традиционной точке зрения числительные на -(t)ь генетически вовсе не связаны с индоевропейскими производными на -ti (nomina collectivae abstractae). В этом наконец находит объяснение тот примечательный факт, что числительные *sedmь, *osmь, *dese находятся вне рамок предполагавшейся ti-суффиксации. Р. Айтцетмюллер предлагал, казалось бы, гибкое решение: праславянские собирательные числительные на *-tis, выступая в ассоциации с порядковыми числительными на *-tos, могли употребляться как количественные числительные¹⁴. Этот взгляд вновь упирается в вопрос о сомнительном тождестве числительных и дериватов на -tь, а также в вопрос о том, каковы же те исходные формы, которые стали производящей базой для новых числительных. Затруднительно усматривать в качестве таковых порядковые числительные, так как семантическая зависимость здесь имеет

¹² Прочная связь количественных и порядковых числительных в древнеславянском может быть проиллюстрирована многими текстуальными примерами. См., например: раздѣлати же таковоє слоуженик • творцимъ на три чинъ • и първыи наричати нгоумену • вѣторгыи же икономоу • третни же коуцьникоу УСт XII, 239 об.; Члѣкъ нѣкъын • имѣаше • ꙗ • дроуць двою любаше • и чташе • а на третъкъмъ велии невръѣженик • имаше Пр 1383, 40г; се соуць шбрази лоуныни четъре • ѡ • ꙗ • же новок глѣуть • мѣсачьныи наричють • ѡ • ꙗ • перекрон • ꙗ • ꙗ • шбоамо горбаво • ѡ • ꙗ • свѣтло КН 1280, 566а–б.

¹³ Это весьма симптоматично, так как число "7" – одна из краевых величин в славянской мифологии (см. [Мифы 1997: 2, 452]).

¹⁴ "Das Slavische hat die idg. Kardinalia nicht direkt erhalten, sondern eine Neuregulung getroffen, indem es (wahrscheinlich schon ererbte) Zahlkollektiva auf *-tis in eine Relation zu den Ordinalzahlen auf *-tos setzte und damit erstere als Kardinalzahlen verwenden konnte" [Aitzetmüller 1978: 136].

противоположный характер – порядковые числительные семантически зависят от количественных. Если словообразовательным источником новых форм на -ь считать порядковые числительные, тогда придется столкнуться с неразрешимой задачей, каким образом значения типа ‘свойство пятого’ обрели вид собственно количественного значения. Формально-логический маневр не помогает найти выход из надуманно сложной ситуации и убедить в ее разрешении, ср.: «Между тем семантически слова типа *пять* не оставались неизменными. Если первоначально они, по-видимому, обозначали опредмеченное свойство “быть пятым”, то постепенно связь между словами *пять* и *пяты* (пятый) начинала пониматься не в соответствии с этимологией, а наоборот: *пяты* (пятый) стало пониматься как производное от *пять*; слово, обозначающее порядковый номер, стало пониматься не как непосредственный результат счета, а как установление связи между тем предметом, к которому оно относится, и числом 5: *пятыи предмет = предмет номер пять*» [Супрун 1969: 11]. Согласно О. Семереньи, традиционное представление о связи славянских форм с индоевропейскими собирательными именами на *-t и *-ti основывается лишь на единичных примерах (скр. *daśāt-*, греч. δεκάδ- и скр. *panktiḥ* – с необъяснимым расхождением формативов для “10” и “5”), которые не могут рассматриваться в качестве деривационных образцов в индоевропейском. Как числительное санскритская словоформа не имеет соответствий в родственных языках. Она содержит вторичное *-ti и восходит к и.-е. *penk^wsti- ‘кулак, (группа из) пяти’, которое получило продолжение в славянском *peŕstь (а вовсе не *petь), нем. *Faust*, англ. *fist* <*funhsti-, лит. *kūmštis* ‘кулак’ <*punkstis.

Механизм и причины морфологической модификации числительных состояли в восстановлении регулярных морфологических и мотивационных отношений количественных и порядковых числительных. Поэтому переход типа *peŕce > *petь, *še > *šestь не имел никаких семантических последствий: количественные числительные в нем остались количественными числительными. Тем более что внутричастеречная корреляция сохранялась в двух следующих парах: и.-е. *treu- и *tri- o- > *tri-yo- > *tri-to-/*tri-tiyo- > праслав. *trьje и *tretьjь; *k^wetwer- и *k^wetur-o- > *k^wetur-(i)yo- > *k^wetur-to-/*k^wetwŕ-to- > праслав. *četyre и *četvьrtь. Сопряженность количественных и порядковых числительных у славян опосредованно отражает типовое деривационное отношение “субстантив → адъектив”.

В индоевропейском положении числительного *dekmt как центрального в десятичной системе счисления было двойственно: оно выступало то как неизменяемый адъектив, то как флексивное имя (и в этом случае управляло другим именем в генитиве). В славянском последняя особенность данного числительного была генерализована и распространилась на другие, обретшие флексивный характер числительные. «The inflection of the cardinals as nouns entailed their syntactic use as nouns, the government of the dependent noun in the genitive, supported by the existing nominal use in “10”» [Szemerényi 1960: 113].

Описанное выше взаимовлияние однокоренных форм в столь значительных масштабах другим классам слов было неизвестно. Оно обусловлено в н у т р и ч а с т е р е ч н ы м и факторами – той необычной теснотой синтаксического, текстового ряда, в котором реализовывались счетная или количественная функция числительных. В самом деле, лексическая парадигма числительных представляет собой своего рода текст со строгим порядком следования составляющих – не вполне обычным образом парадигматические и синтагматические отношения здесь совпадают: *edinъ, *dъva, *trьje, *četyre, *petь, *šestь, *sedmъ, ‘n+1’; *pygvъ, *vъtorъ, *tretьjь, *četvьrtь, *petь¹⁵, *šestь, *sedmъ, ‘n+1’; *četyre – *petь, *petь – *šestь, *šestь – *sedmъ и т.д.¹⁵

¹⁵ В подобных текстах, которые заучиваются наизусть, числительные являются само- достаточной величиной и не нуждаются в какой-либо морфосинтаксической отменченности, выходящей за рамки данного парадигматического класса.

Существует, кроме того, особый жанр счета-перечисления, в котором числительные составляют опорные единицы и архаичность происхождения которого не вызывает сомнений. Долгое время числительные как имена чисел сохраняют магико-мистическую функцию, приобретая в некоторых типах сакральных текстов статус основных элементов текстостроения¹⁶.

Числовой текст в праславянском обнаруживает попарное разбиение: ср. **peřь*–**šestь*, **sedьmь*–**osьmь*, **deve*(*tb*)–**desę*(*tb*)¹⁷. Особенно ярко попарное сближение числительных представлено числительным **deveřь*, которое стало отличаться от последующего слова лишь одним звуком, тогда как ожидаемая форма **nevě* < **newę* ничего общего с ним не имела. Такое же развитие представлено и в балтийском: лит. *devyni*, лтш. *deviņi* (в др.-прусск., однако, *newīnts* ‘девятый’). Консонантная основа, которая могла здесь первоначально появиться под влиянием исконного **desę*, обнаруживается в *девясил* и *Девягорескъ* (см. [Фасмер I, 491–493]). Парная организация числового текста может быть соотносительна с корреляцией “чет-нечет” в балтославянской мифологии (см. [Мифы 1997: 1, 153; 2, 452])¹⁸.

По мере стабилизации числительных первого десятка должны были претерпеть трансформацию праславянские обозначения десятков, которые у славян к тому же утратили ясность второго компонента сложения: и.-е. **wīkñi* “20” > праслав. **wisinti*, *penk*“*ę*kont “50” > **penčesъ*(*n*), **oktōkont* “80” > **ostasъ*(*n*) и под.¹⁹ Индоевропейские сложения (“compounds”) в праславянском были замещены более ясными составными числительными, которые вместе с тем сохранили логику индоевропейских праформ: **dъva desęti* “20”, **peřь desęřь* “50”, **osьmь desęřь* “80” и под.

Ю. Шерех подчеркивает, что древнеславянские языки зафиксировали то достаточно архаичное состояние, когда числовые слова не являлись абстрактными понятиями, а имели предметное значение²⁰. Безусловно, этот взгляд не может быть принят. Он чрезмерно архаизирует реальное положение и, по существу, отсылает ко времени возникновения числовых слов вообще, когда количественное и предметное значения были представлены синкретично. Ср. простейшую количественную модель из трех компонентов в бушменском языке: *nee* < *ne!* *kwé* < *kwai* ‘та нога – один – этот – здесь’. *!kú* ‘обе ноги – два – прыгать’, также одним словом выражаются значения ‘скорпион – три – много’²¹ (см. [Stoпа 1963: 196–197]). Между тем уже в праиндоевропейском ничего подобного нет. Мотивированность значения числительных, как правило, отсут-

¹⁶ Масса примеров приведена в подробном исследовании В.Н. Топорова [Топоров 1980]. См. также [Numbers 1961: 406–413].

¹⁷ Числительные **trьje*–**četyre* связаны аллитерацией. Два первых числовых слова в индоевропейском обособлены, что имеет ярко выраженную типологическую параллель. Они не имеют порядковых числительных того же корня, что и количественные числительные первой пары.

¹⁸ С этим, вероятно, имеет какую-то связь парное членение индоевропейского пантеона (см. [Дюмезиль 1986: 64–66]). Парное разбиение отчетливо представлено в считалках, текстовая структура которых может быть весьма архаичной. См., например: *Первой, другой – Изба с трубой, Три, четыре – Меня прицепили, Пять, шесть – Бьем шерсть, Семь, восемь – Сено возим, Девять, десять – Деньги весят, Одиннадцать, двенадцать – На улице бранятся. Бабы, мужики, Мальцы-озорники, Душка Матрешка Глядите в окошко: Здесь Семен – Он выйдет вон!* Мудр. нар., 315. В отраженном виде парное членение счетного ряда представлено в звукописи рифмуемого с числительными словосочетания (ср.: *Семь, восемь – Сено возим*).

¹⁹ См. [Szemerényi 1960: 64].

²⁰ “Man soll nicht meinen, dass dieser Zustand das Fehlen des Zahlwortes als einer besonderen abstrakten Kategorie am Anfang des historischen Weges der slavischen Sprachen bedeutete. aber ursprünglich stellte er sicherlich jenen Zustand dar, wo das Zahlwort kein abstrakter Begriff war, sondern die Bedeutung der Gegenständlichkeit enthielt und wo, im Zusammenhang damit, die Entwicklung des Zahlwortes in einzelnen Schichten vor sich ging” [Šerех 1952: 40].

²¹ Т.е. ‘скорпион’ – это ‘трехногий’ или ‘многоногий’, что в данном случае одно и то же.

ствуется или в редких случаях выступает в затемненном виде. а в праславянском вовсе не прослеживается. Так, фундаментальное в индоевропейском десятичном счислении числительное **dekmt* 'десять'. немотивированное в позднеиндоевропейском. обычно возводят к **de-kont-* 'две руки', хотя в формальном плане данная этимология не лишена сложностей²². Вероятно, немотивированное числительное **penk^we*. наряду с количественным значением, ранее еще могло подразумевать конкретно-предметное значение 'кулак, рука', которое было воспринято дериватом **pnk^wstis*, имевшим продолжение в праславянском **pestь*.

По данным этнолингвистических наблюдений само человеческое тело стало прообразом и источником всех количественных и пространственных представлений: "Die Unterscheidung der Zahlverhältnisse geht, wie die Raumverhältnisse, vom menschlichen Körper und seinen Gliedmaßen aus, um sich von hier aus fortschreitend über das Ganze der sinnlichanschaulichen Welt zu verbreiten. Der eigene Leib bildet überall das Grundmodell der ersten primitiven Zählungen" [Cassirer 1956: 187]. Парные части тела – "скрижали", на которых было записано простейшее количественное представление, самым очевидным образом сопряженное с пространственным представлением²³. Поэтому психологическая реальность числа первоначально выступает как наглядный пространственно-предметный образ. Именно обозначения парных частей тела человека и животных стоят у истоков количественного ряда. Они же стали источником образования и развития двойственного числа. Кроме прочего, на это недвусмысленно указывают данные типологии, которые свидетельствуют: если употребление дв. ч. у существительных в каком-либо языке ограничено, то минимумом таких форм могут быть только парные существительные²⁴. Данные по истории двойственного числа показательны как документы эпохи становления количественных представлений.

В. фон Гумбольдт подчеркивал именно качественный аспект в семантике двойственного числа, тогда как до него здесь констатировалась количественная семантика – значение ограниченного множества (см. [Humboldt 1963: 130–133]). Однако истина находится посередине: парность, явившаяся источником дуалиса, – это количество, которое выступает как род качества. Это окачествленное количество, потому что парные предметы, пребывая в количестве двух, являются качественным повторением друг друга и образуют единство совместным воплощением симметричной пространственной конфигурации. Интегральный количественный компонент в семантике парных обозначений способствовал трансформации парного числа в двойственное²⁵. Вместе с тем отвлечение счетно-количественного значения в индоевропейском способствует образованию синтаксически противопоставленных форм, которые Б. Дельбрюк обоз-

²² Вопросы вызывает огласовка **de-* 'два' без *-w- (-u-), а также сам факт предпочтения числительного обычному двойственному числу (как в числительном **oktō(u)* 'восемь < обе группы из четырех (вытянутых) пальцев', которое является остатком четверичного счисления в индоевропейском) [Winter 1992: 13, 17]. Впрочем употребление числового компонента **de-* 'два' могло быть вызвано именно контрастом со старой кватернарной системой счисления.

²³ Это предопределило закономерности производственной деятельности. Предметно-вещные творения человека, которыми он себя окружил, в ходе своего становления тотально следуют принципу парной симметрии как некоему абсолюту. Они человекообразны, запечатлевая на себе образ и подобие человека – парносимметричность антропометрического пространства. Более того, содержательная фундаментальность парной симметрии сказалась на формировании религиозных воззрений. Так, удалось установить, что архаичный близнечный культ основывается на символическом замещении парных частей тела человека и животных (см. [Lehmann 1988: 378]).

²⁴ "If in any language some nouns are eligible for dual marking while others are not (or less readily), the criterion is whether or not they denote natural pairs" [Plank 1989: 309].

²⁵ Значение парности, однако, не поглощалось собственно количественным представлением. Об этом свидетельствуют разные факты. Так, например, согласно В. Краузе, в тохарском А языке паралис ("Paral") и дуалис ("Dual") были морфологически разведены (см. [Krause 1955: 15]).

начил терминами "Dual" и "Zweizahl". Последний термин здесь связывается со случаями семантически избыточного употребления в ведийском числительного *dváu* в сочетаниях с субстантивным дуалисом. Появление подобных квантитативных конструкций всегда обусловлено особыми текстово-речевыми обстоятельствами – включенностью в контекстуальный счетно-количественный ряд, образуемый соположением с другими числительными²⁶. Это означает, что "первочисло" 2, давшее начало дуалису, насыщено пространственно-предметными смысловыми связями, которые, однако, были не настолько однозначны и прочны, чтобы не ослабевать и не утрачиваться в составе квантитативной парадигмы²⁷.

Таким образом, функционально-семантическая природа числовых обозначений представляется двойственной. За числами стоит онтологическая реальность. "Число есть потенция вещи, рождающее смысловое лоно ее, закон ее осмысления. сила и орган оформления вещи" [Лосев 1993: 175]. В языковом умозрении числовые обозначения обеспечивают мерность и упорядоченность пространственно-количественного строя природной среды и предметного окружения, становясь, по словам В.Н. Топорова, образом мира (*imago mundi*) [Топоров 1980: 5]. Разнообразие и переменчивость предметных связей тем не менее всегда возвращают к числу как исходной константе, лишенной собственных предметных свойств. Становится ясно, что числа суть матрицы или схемы, соразмерность с которыми предметных или событийных явлений создает иллюзию их тождества. Числительные суть свидетельства дискретности, членимости воспринимаемого мира, поэтому их семантика соотносительна с оценкой его структурных или качественных черт, а не предметных свойств. Таким образом, так называемые предметные значения числительных всегда опосредованы и не связаны с их морфологическим характером, который может быть различным, а обусловлены их функциональной нацеленностью на предметный мир, как в хозяйственно-бытовой, так и в отвлеченно-мыслительной сферах деятельности.

Двойственное число у славян является индоевропейским архаизмом. Оно не только продолжает последовательно употребляться уже после распада праславянского языка, но и обретает собственную динамику развития. Так, новой ситуацией в праславянском является распространение счетно-количественных конструкций типа **dvъa otroka*, которые, как было указано выше, в индоевропейском допускались лишь в определенном рода контекстах. В праславянском довольно четко противопоставляются и выступают как самостоятельные величины свободное и связанное двойственное число (типа **boka*, **nodžě* vs. **dvъa brata*, **dvъž ženě*). Они образуют два разные типа грамматической номинации – количественно-предметную и счетно-количественную [Žolobov 1997: 8]. Грамматическое расщепление в славянском дуалисе вновь с несомненностью свидетельствует о двойственной природе числа: свободное двойственное число указывает на предметный генезис количественных представлений, а связанное двойственное число обнаруживает в числе матричную схему, лишенную зависимости от конкретно-предметных представлений. Таким образом, распространением связанного двойственного числа, противопоставленного свободному двойственному числу парных обозначений, опровергается общепринятый тезис о предметном характере семантики числительных, и опровергается там, где, казалось бы, предметность

²⁶ "Durch *dváu* mit dem Dual wird die Zweizahl aus Zahlenreihe hervorgehoben, z. B.: *á dvábhyaṃ háribhyaṃ indra yahy á catúrbiḥ* komm mit zwei Falben, o Indra, mit vieren u. s. w. RV 2, 18, 4 (*á háribhyaṃ yahy* wurde heißen: mit den beiden Falben)" [Delbrück 1968: 99–100]. Всегда семантически мотивировано также употребление слова *ubháu*.

²⁷ "Только появление понятия 2 сделало возможным возникновение счета и арифметики. В языковом мышлении *два* является числом высокого напряжения, поддерживаемого постоянно напоминающей о себе двойственностью, парностью и противопоставленностью как в физическом, так и в общественном и в индивидуально-психическом мире. Это положило начало особому двойственному числу, в отличие от единственного и множественного числа" [Бодуэн де Куртэн 1963: 315].

должна была выступать наиболее явственно – в самом начале счетно-количественного ряда²⁸.

Связанное двойственное число представляет собой морфосинтаксическую группу, которая входит в парадигму квантитативных конструкций, реализующих однородно счетную или количественную функцию (см. [Жолобов 1997: 45–46]):

- (1) сингулярный квантитатив: **edinъ vozъ*, **edina mĕra*; (1₂)²⁹ **edinъ na desęte vozъ*; ^п
- (2) дуальный квантитатив: **dъva voza*, **dъvĕ mĕrĕ*; (2₂) **dъva na desęte voza (vozъ)*; (2_{3,4})³⁰ **dъva desęti vozъ*;
- (3) малый квантитатив: **trъje. ě' etyre vozi*, **tri, ě' etyri mĕry*; (3₂) **trъje na desęte vozi (vozъ)*; (3_{3,4}) **ě' etyre desęte vozъ*;
- (4) большой квантитатив: **pĕtъ vozъ*, **pĕtъ mĕrъ*; (4₂) **šestъ na desęte vozъ*; (4_{3,4}) **sedmъ desętъ vozъ*;
- (5) половинный квантитатив: **polъ vъtora, polъ pĕta voza*, **polъ vъtory, polъ pĕty mĕry*; (5_{3,4}) **polъ pĕta desęte vozъ*³¹;
- (6) дистрибутивно-собирательный квантитатив: **dъvoji, troji. pĕteri pĕlc'i*, **dъvoje, troje, pĕtery kъnigy*.

Ср. в древнеславянской письменности:

- (1) възвращъ^{ше} сѧ датн славы вѣи. тѣкмо съ единъ инноплеменъникъ Сав: Лк 17, 18; Горькъ сътвори плачь и рыданіе. дѣнь кдинъ или дѣва Изб 1076, 153 об.; (1₂) възьми оу тимоце одноу на десѧтѣ гривноу ГрБ № 78 (60-е – 70-е гг. XII в.);
- (2) ничесоже не възъмѣте на пѣтъ. ни жѣзла ни пиръ ни хлѣва. ни сребра ни двою ризоу ни мѣди Сав: Лк 9, 3; по два безмѣна УСт XII/XIII, 262; (2₂) ѿвѣща іѣ не два ли на десѧте часа кста въ дѣе Ева 1092; Ин 11,9 (2_{3,4}) прѣжде дѣвоу десѧтоу лѣтъ КЕ XII, 836;
- (3) и събержѣтъ избранъѧа его. отъ четърь вѣтръ Сав: Мф. 24, 31; трик вѣхомѣ пастоуѣ ПС XI–XII, 12; (3₂) възми оу господъни три на десѧте рѣзанѣ ГрБ № 84 (сер. 10-х – сер. 30-х гг. XII в.); (3_{3,4}) хѧ четърми десѧты дѣни вънесе на рѣкоу въ цркъвѣ Чудн XII, 756;
- (4) не помыните ли • егда патъ хлѣвъ прѣломихъ • въ патъ тѣсѣшть Зогр: Мк. 8, 18–19; воземи десѧтъ гривно ногатами ГрБ № 227 (60-е – 70-е гг. XII в.); (4₂) живъ въ домоу своимъ шесть на десѧте лѣт СБУ XII/XIII, 288а: (4_{3,4}) аминѣ глажъ вамъ • радоуетъ сѧ еи • паче неже девѧти десѧтъ и дѣти • непогыбъшихъ Сав: Мф. 28, 12–13;
- (5) хѣбъ же оугодъникъ • за полоувътора лѣт въ змърскѣмъ стражици • съ благодареникъ тѣрпаше вѣа ЖФСт XII, 141 об.; възми оу доушилѣ оу ѡминница полъцетвѣртѣ грѣнѣ ГрБ № 381 (XII в.); (5_{3,4}) и осеньникъ полюдникъ даровънок полътретна десѧте гривнъ стѣмоу же геургневи Гр 1130;
- (6) веригами двоими Супр 146⁵; ѡсмергы числѣмъ винты сѣтъ СбТр XII/XIII, 158; (6₂) Въображенъ оубо въша кънигы. десѧтеры и дѣвок КЕ XII, 2456.

²⁸ Ср. цитировавшееся выше мнение Ю. Шереха [Šerech 1952: 40], а также следующее высказывание «Das Urslawische steht in seinem Verhältnis zur Zahl fast auf der Stufe einer sog. "primitiven" Sprache...» [Lohmann 1956: 157].

²⁹ (1₂) содержит индекс обозначения второго десятка.

³⁰ (2_{3,4}) содержит индекс обозначения десятков и сотен. В древнерусском для обозначения *двадцати* применялась также особая модель – *межу десѧтъма: и самъ же дѣ между десѧтъма. стѣхна. хоуетъ вѣса мѣнѣти* КЕ XII, 2546 (СДРЯ I, 521).

³¹ Т.е. *сорок пять*.

Внутрипарадигматической динамикой обусловлено употребление переходных морфосинтаксических образцов: (2₂) < (4), (3₂) < (4), (4) < (3) и под. "Таким образом, в числительных синтаксис явно преобладает над морфологией" [Виноградов 1938: 120]. Особенно явственно эта особенность выступает в составных числительных, которые уже сами по себе являются синтаксическими единствами, наиболее отчетливо обнаруживая члестречную автономность так называемых числовых слов. Грамматическая целостность квантитативных конструкций находит продолжение в морфосинтаксических группах с порядковыми числительными, имеющих количественно-определяющее значение. Составные числительные отражают логику образований, сложившихся в индоевропейскую эпоху³². Уже в старославянском эти числительные тяготеют к композитному образованию, что, конечно же, обусловлено морфосинтаксическими обстоятельствами – их рядоположенностью с простыми числительными и повторяемостью компонента, обозначающего десятки (см. у А. Вайана [1952: 191]: *дъванадесѣ златиць Супр 122*¹⁰). Когда появились благоприятные фонетические обстоятельства, композитные числительные второго десятка, которые образовывали сплошной счетно-текстовый ряд, претерпели аффиксоидную трансформацию. См. наиболее ранние примеры: (т)ринадеса гривнѣ ГрБ № 852 (сер. XII в.); *вза ксема пять наца(тѣ во) [з] о 482* (80-е – 90-е гг. XIII в.).

Когда говорят о предметном значении древнеславянских числительных, имеют в виду морфологический характер числительных от *пяти* до *десяти*, которым свойственно субстантивное склонение и грамматическое значение рода. В действительности, как уже отмечалось, морфологический характер числительных означает лишь их морфологическую оформленность и не предопределяет их функционально-семантических особенностей. Так, числительное *duale tantum* **dъva* (**dъvѣ*) имеет родовое местоименное склонение, как и местоимение **oba* (**obѣ*):

	И-ВП	Р-МП	Д-ТП
Мужской род	* <i>dъva</i> , * <i>oba</i>	–	–
Немужской род	* <i>dъvѣ</i> , * <i>obѣ</i>	–	–
Общий род	–	* <i>dъvoju</i> , * <i>oboju</i>	* <i>dъvѣta</i> , * <i>obѣta</i>

Однако на этом заканчивается родство числительного **dъva* с местоимениями, и по своим функционально-семантическим особенностям оно местоимением признано быть не может. Особая архаичность числительного **dъva*, находящегося у истоков счетно-количественного ряда, запечатлелась в том, что оно, в отличие от других числительных, имеет своего "двойника" среди местоимений – местоимение **oba*. Эта корреляция, выразившаяся, в частности, в образовании композита-двандва **obadъva*, восходит к индоевропейской эпохе (см. [Vaillant 1958: 622–623]). Местоимение **bhō* – это посредствующее звено между именем "первочисла" и его предметными прообразами, структура которых нашла отражение в семантике названного местоимения. Вместе с тем семантическое расхождение местоимения и числительного *dualia tantum* несомненно свидетельствует о собственном счетно-количественном значении числительного. В отличие от числительного, употребление местоимения в индоевропейском указывало на то, что каждый из обоих членов, единство которых обозначалось дуалисом, в равной мере относится к высказыванию³³. Трудно согласиться с У.Ф. Леманом, ко-

³² Числительные второго десятка наследуют индоевропейские формы, а обозначения десятков, как уже отмечалось, являются балто-славянским новообразованием. В литовском составные числительные встречаются до сих пор.

³³ См.: "Bei dem natürlichen und anaphorischen Dual erscheint *ubhāu* beide, um zu bezeichnen, dass jedes der beiden Glieder der im Dual ausgedrückten Einheit in gleicher Weise von der Aussage betroffen wird, z.B.: *...ubhē dyāvā* beide, Himmel und Erde gleichmässig RV 9, 70, 2" [Delbrück 1968: 99].

торый видел в индоевропейском *bhō- "конкурирующий термин" для *dew-³⁴: вед. *ubhāu*, греч. ἀμφω, лат. *ambō*, гот. *hai*, ст.-сл. **оба** рядом с соответствующим числительным указывают на исходное функционально-семантическое расхождение [Lehmann 1991: 135].

Дейктическая, прономинальная функция слова *oba 'тот и другой', 'эти-два, все-два' в древнеславянском проявляется отчетливо и без отступлений. Если выступает значение 'тот и другой', то обычно в тексте называются и составляющие единство части: **кого хощете отъ обож отъпоуциж вамъ • варавѣж ли • или нѣа** ЕвО 1056-57: Мф 27, 17³⁵; **изаславоу же къназоу тогда прѣдръжащоу овѣ власти • и оца своего гарослава • и брата своего володимира** ЕвО 1056-57, 294 (запись); и тако обою животоу лихованъ бѣсть • и съде не тѣкъмо княження иъ и живота гонезе • и тамо не тѣкъмо цѣствниа нѣснааго и кже съ ангелы житиа погрѣши • иъ и моуцѣ и огню предасть **са** СБУ XII/XIII, 16а (СкБГ XI) и др. Как было установлено А. Беличем [Белич 1932: 23–29], древнеславянское **оба** употребляется не только при переводе греч. ἀμφότεροι, но и, что показательно, – οἱ δύο, тогда как δύο соответствует в переводах числительному **дѣва** (см.: **и вждете оба въ плѣть единж** Мар: Мк 19, 5 – καὶ ἔδονται οἱ δύο εἰς σάρκα μίαν и под.). Варьирование типа **дѣвъ рибѣи** и **овѣ рибѣ**, как отмечал А. Вайан [1952: 189], в древнеславянском связано со значением определенности (см.: **они же глѣша. не имамъ съде. тѣкъмо ѣ хлѣвъ. и двѣ рибѣ. онъ же рече принесѣте сѣмо. и повелѣ народоу. възлеци по трѣвъ. и примѣ ѣ хлѣвъ. и овѣ рибѣ и възрѣвъ на нбо сѣи** Сав: Мф 14, 17–19). Те же семантические признаки, но в ослабленном, вероятно, виде присутствуют в сочетании **оба на десатѣ** (см.: **призва иъ оба на десатѣ оученика своа** ЕВА 1092: Лк 9, 1).

Вероятно, уже в праславянском местоименное склонение числительного *dъva модифицируется под влиянием морфосинтаксических факторов, в результате чего в Р-МП распространяются формы типа *dъvu desetu < *dъvoju desetu. Новая форма фиксируется уже в наиболее древних памятниках: **без дѣвоу ногатоу гр(в)на** ГрБ № 526 (2-я треть XI в.); **тако дѣци нночада вѣ кмоу. тако двж на десатѣ лѣтоу** ЕВА 1092: Лк 8, 42. Такие же формы есть в западнославянских памятниках, однако их обычно объясняют фонетическим стяжением. Вместе с тем они обнаруживаются в нижнелужицком переводе Нового Завета 1548 г., который включает массу грамматических архаизмов. В нижнелужицком РП дв. ч. местоимения *wobu* не имеет фонетического объяснения и может наряду с древнерусскими примерами представлять праславянскую изоглоссу (см.: *meecz s wobu ftronu woftri* NTJa 1548: Откр 1, 16). Вряд ли это богемизм, потому что данная форма устойчива в народной речи [Unger 1998: 47–48].

Недоразумением следует считать отнесение слова *оба* к древнерусским счетным прилагательным [Хабургаев 1990: 260] или к числительным в современных русских грамматиках (см. [Грамматика 1970: 308; РЯ 1989: 455]). На местоименный характер семантики у слова *оба* указывал в свое время А.Е. Супрун [1969, 37–38], тем не менее включив его в разряд количественных числительных (напротив, ср. [Кудрявцев 1996: 231])³⁶. О частеречной дифференциации слов *два* и *оба* свидетельствует расхождение в

³⁴ Общепринятая реконструкция – *duǵō.

³⁵ Греческая параллель славянскому **обою** в этом чтении отсутствует.

³⁶ Ю.С. Кудрявцев идет далее и усматривает в местоимениях *весь* и *оба* супплетивную пару, из чего, согласно автору, следует признание живой категории дуалиса в современном русском языке. Следует заметить, что подобная лексическая пара, по существу, известна любому европейскому языку, но это не несет никаких грамматических последствий (ср., например, в испанском: *todo* : *ambos*; в немецком: *all* : *beide*).

их морфологическом развитии. Если числительное *два* связано с унифицированием форм в дуальном и малом квантитативах после утраты дуалиса, то местоимение *оба* находилось вне рамок данного процесса, естественно совмещаясь с плюральными формами местоимения *обои*. Следы такой контаминации впервые фиксируются в период утраты двойственного числа: *стрѣльцѣмъ стр(ѣ) [лѣ] юци(м)са шбоимъ межи собою • полкома* ЛЛ 1377, 376.

Столь же произвольна связь между частеречным значением и морфологическим характером наследующих индоевропейское употребление числительных **trьje* (**tri*), **četyre* (**četyri*). Эти слова обычно считают в древнеславянском прилагательными, хотя их узуальный статус дисгармонирует с адъективной частеречной семантикой. Синтаксически эти числительные действительно тождественны прилагательным, поскольку согласуются с существительными в роде и падеже. Однако они не имеют отдельной формы среднего рода, так что родовое противопоставление здесь принимает бинарный вид – мужской vs. немужской род, а выражено оно может быть только в номинативе. Кроме того, отношения с существительными по числу следовало бы считать координативными, потому что данные числительные – слова *plurale tantum*. Их нельзя признать прилагательными, потому что они не имеют членных форм, образование которых у адъективов относится еще к балто-славянской эпохе. Морфологически эти слова противопоставлены древнеславянским прилагательным, нечленные формы которых связаны со склонением на **-a* и **-o*. *Plurale tantum *trьje* принадлежит к склонению на **-ь*, а *plurale tantum *četyre* – к склонению на согласный:

	ИП	ВП	РП	ДП	МП	ТП
Мужской род	<i>*trьje</i> , <i>*četyre</i>	– –	– –	– –	– –	– –
Немужской род	<i>*tri</i> , <i>*četyri</i>	– –	– –	– –	– –	– –
Общий род	–	<i>*tri</i> , <i>*četyri</i>	<i>*trьjbь</i> , <i>*četyrbь</i>	<i>*trьmь</i> , <i>*četyrmь</i>	<i>*trьchь</i> , <i>*četyrchь</i>	<i>*trьmi</i> , <i>*četyrmi</i>

Таким образом, исходя из изложенного, не следовало бы также считать, что частеречная семантика слов **petь*, **šestь*, **sedmь*, **osmь*, **deve(tь)*, **desę* непосредственно проистекает из их морфологической природы, которая исторически была уравнена с морфологическими свойствами субстантивов. Морфологический характер в этом случае обусловлен не частеречной принадлежностью названных слов, а исторически укоренившимся типом морфологической оформленности, который не препятствовал и не противоречил их функционально-семантической направленности. Напротив, некоторые ограничения в образовании морфологических форм обусловлены функционально-семантическими свойствами числительных. Так, числительные **petь*, **šestь*, **sedmь*, **osmь*, **deve(tь)* – это слова *singularia tantum* женского рода со склонением на **-ь*, а числительное **desę* не только морфологически отлично от них, будучи единственным именем *ęt*-основ мужского рода, но и лишено морфологических ограничений на образование форм числа, так как является центральной единицей десятичного счисления, на которой основывается образование составных числительных³⁷. На муж-

³⁷ Русские фольклорные выражения вроде *в тридевятом царстве, за тридевять земель* вряд ли являются остатком десятичного счисления. Скорее всего они представляют собой варианты сакральной формулы, так как в упомянутые выражения, далекие от хозяйственно-бытовой сферы, входят ключевые единицы нумерологических спекуляций. Обращает на себя внимание тот факт, что в ней выступает *numerus perfectus три*, при том что *девять* – это трехкратное *три*. См. в связи с этим выразительный пример у И.И. Срезневского:

ской род числительного **дѣсать** указывают согласовательные формы: мужской род числительного **дѣва** в квантитативе (2_{3,4}), а также мужской род порядкового числительного **трѣтъя** в квантитативе (5_{3,4}): **дѣва дѣсать бърковьско** ГрБ № 630 (сер. 20-х – сер. 50-х гг. XII в.); **поло трѣтъя дѣсато гривьно** ГрБ № 61 (60-е – 70-е гг. XIII в.). Однако в составе квантитатива (4) данное числительное не отличается от числительного **дѣвять** и имеет ТП ед. ч. женского рода³⁸: **хвалать дѣсатню пзвъ повѣдивъшааго егуптъ** СБУ XII/XIII, 207 г. Подобная родовая дифференциация в рамках словоизменительной парадигмы одного слова неизвестна именам существительным. В данном случае она обусловлена внутрочастеречными морфосинтаксическими факторами – воздействием на числительное **dese* числительных *singularia tantum* **petь*, ... **devetь*³⁹ и обобщением в квантитативе (4) единого деклинационного образца.

Частеречная природа числительных последовательно реализуется в парадигме квантитативных конструкций. Функционирование квантитативов как целостных грамматических единиц индуцирует унификацию морфосинтаксических образцов в исходном славянском употреблении. Прежде всего это находит выражение в распределении субстантивных компонентов квантитативов. Так, в квантитативах (2₂) и (3₂) существительные могут быть оформлены по образцу квантитатива (4): (2₂) **сѣдете и въ на двою на дѣсате прѣстола**. **сѣдѣще дѣвѣма на дѣсате колѣнома излевама** ЕвА 1092: Мф 10, 28 vs. (4) и **приставити ми ваще**. **дѣвою на дѣсате легеонъ англъ** ЕвА 1092: Мф 26, 53; (3₂) и **съ нкю ·г·і· отроковицѣ** СБУ XII/XIII, 68г vs. (4) **да боудѣтъ ·г·і· отроковицъ въ слоужьбоу тебѣ** СБУ XII/XIII, 68б. В квантитативе (4) уже в древнейших памятниках обнаруживается тенденция к обобщению субстантивных компонентов по типу квантитатива (3): **о дѣвати правдѣнникъ** Зогр: Лк 15, 7 vs.⁴⁰ (3) **о дѣвати дѣсатѣ и дѣвати праведѣнницѣхъ** Мар: Лк 15, 7 и под. Последний пример доказывает, что форма существительного определяется не пресловутым субстантивным статусом числовых слов, а включенностью в квантитативные конструкции, смысловым центром которых являются числовые обозначения. Здесь нужно заметить, что сам РП мн. ч. существительных в сочетаниях типа **пять хлѣбъ** не столь легко объясним, как может показаться. Не ясно, почему этот родительный приименный никогда не чередуется с дательным приименным или адъективным определением, которые у славян обычно предпочитались приименному дополнению в родительном (см. [Мейе 1951: 374–375]). Если **пять** – существительное, то почему нельзя было сказать **хлѣбьнама пять** – как **сжпржгъ воловьинъ**? РП мн. ч. существительных в составе квантитативных конструкций, вероятнее всего, несет печать функциональной специализации как *genitivus adnumerativus*.

Вместе с тем морфологическая оформленность древнеславянских числительных, несомненно, гарантировала их от полной десемантизации. Древнеславянские числительные имели прономинальную, адъективную или субстантивную окраску и сохраняли в своей семантике признаковые или предметные смысловые оттенки, которые давали дополнительную пищу символическим представлениям. Тем самым древнеславянские

вѣрѣють... въ вилы. **их же числом г. ѿ. сестреницъ** Сл. Христ. Паис. сб. (Срезн. I, 651). В письменности на бересте эта же нумерическая формула представлена в заговоре-молитве, где автор стремится переработать языческий сакральный топос в христианском духе: **три дѣва(т)о анеело три дѣва ароханело избави рава жѣл ми хѣл трасавиче молитвами сватъла богородича** ГрБ № 715 (XIII в.).

³⁸ Так и в старославянском (см. [Вайан 1952: 187]).

³⁹ Другой сходный пример родовой диссоциации дает связанное употребление в парной формуле: **нощтнѣ и дѣннѣ** Супр 292²⁴ (вместо **дѣннѣ**) (см. [Вайан 1952: 127]).

⁴⁰ Ср. [Вайан 1952: 189].

числительные могли сочетаться с восприятием чисел как особого рода сущностей, которые не нуждаются в количестве, "в то время как количество только одна из форм функционирования числа в материи" [Лосев 1994: 782]⁴¹.

В своих основных счетной и количественной функциях числительные лишь соприкасаются с семантикой предметности, так как механизмы счисления прежде всего нацелены на предметный мир. В хозяйственно-бытовых документах квантитативные конструкции, где реализуются эти функции числительных, являются частотными строевыми единицами. Ср.: *Ѡ дѣака и Ѡ илькѣ се посылѣховѣ лоукѣнѣ .Ѡ. на .Ѡ. а масла .Ѡ. молоствѣ а середѣ .Ѡ. свиньи хрѣвьѣта .Ѡ. а .Ѡ. зацѣ и тетеревѣ . и кѣлѣвасоу а конѣ .Ѡ. и сторова* ГрБ № 842 (2 четв. XII в.)⁴². В подобного рода текстах числительные всякий раз обозначают арифметические величины, которые, однако, наделены грамматически выражаемой уровневой дифференциацией: *два коня* не то, что *три*, а *три* – не то, что *пять*. Данные отношения претерпевают трансформацию после утраты двойственного числа, выразившуюся в славянских языках в образовании нового малого квантитатива вместо древнего дуального и малого квантитативов. Данные по истории славянского двойственного числа имеют важное значение для характеристики числительных. Утрата дуалиса, ранее других славянских языков завершившаяся в древнерусском языке, была длительным процессом, в котором текстам приведенного выше типа, казалось бы, должна была принадлежать ведущая роль. В действительности связанное дв. ч. счетных документов никак не связано с началом утраты дуалиса, являлось наиболее устойчивой его разновидностью и было утрачено в последнюю очередь лишь в середине XIV в. [Жолобов 1997: 95]. Это обусловлено, несомненно, тем, что связанное дв. ч. являлось компонентом парадигмы квантитативных конструкций, обладающих особым грамматическим характером. Несмотря на утрату дв. ч., в русском дуальный квантитатив, отличный от малого квантитатива, сохранялся вплоть до XVII в. [Žolobov 1997: 36].

Динамика субстантивных и адъективных форм в составе квантитативных конструкций требует отдельного подробного описания. Она имеет свою логику, определяемую особым грамматическим статусом квантитативных сочетаний. Точно так же необходим детальный анализ морфологических изменений числительных, которые были вызваны утратой дуального квантитатива и которые были обусловлены вовсе не пресловутой частеречной неразвитостью "числовых слов", а их функциональной прикрепленностью к разным уровням квантитативности. Морфологическая разнородность славянских числительных, унаследованная от индоевропейской эпохи, была в исходной системе форм прочно ассоциирована с уровневым членением опорного десятичного ряда: первый уровень – "1", второй – "2", третий – "3" и "4", четвертый – "5", "6", "7", "8", "9" и "10", пятый – уровень половинного счета, шестой – уровень счета множеств или сложносоставных предметов. Морфологическая оформленность славянских числительных – неявное напоминание об "ипостасийных" прообразах количества, в поисках истолкования которых складывались нумерологические представления.

⁴¹ Ср. у Плотина, где диалектика числа нашла наиболее подробную разработку: "Таким образом, на вопрос о том, как наличны ипостасийные числа в нас в своем отличии от чисел фактического счета, следует ответить, что числа, находящиеся в нас, тоже имеют ипостасийную природу, что и умные числа вообще, и числа счета – проявление чисел в нас, и тем самым умных чисел; отсюда же вытекает и то, что числа и необходимым образом лежат в основе субъекта, конституируя его, и осмысленно конституируют счет, хотя все это и разные сферы бытия числа" [Лосев 1994: 870].

⁴² Цит. по: [Янин, Зализняк 1999].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

- Гр 1130 – Грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, около 1130 г. – // Хрестоматия по истории русского языка / Авторы-составители В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990.
- ГрБ – Грамота берестяная – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- ЕвА 1092 – Архангельское Евангелие 1092 г. М., 1912.
- ЕвО 1056–1057 – Остромирово Евангелие 1056–57 г. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями / Изд. А.Х. Востокова. СПб., 1843.
- ЖФСт XII – Житие Феодора Студита // Выголексинский сборник / Изд. подготовили В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Гольщенко. М., 1977.
- Зогр – Quattuor Evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Edit V. Jagič. Grac. 1954. (Unveränderter Abdruck der 1879 bei Weidmann, Berlin erschienenen Ausgabe).
- Изб 1076 – Изборник 1076 г. М., 1965.
- КЕ XII – Кормчая Ефремовская. XII в. Рукопись ГИМ, Син. № 227 (по КСДР).
- КН 1280 – Кормчая Новгородская, 1280 г. и сер. XIV в. Рукопись ГИМ, Син., № 132 (по КСДР).
- КСДР – Картотека Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.). Хранится в Институте русского языка РАН (Москва).
- ЛЛ 1377 – Лаврентьевская летопись 1377 г. / Полное собрание русских летописей. Том первый. М., 1962.
- Мар – Мариинское Четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И.В. Ягича. Grac, 1960. (Фототипическое издание книги 1883 г.).
- Мудр. нар. – Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I: Младенчество. Детство. М., 1991.
- Пр 1383 – Пролог мартовской половины, 1383 г. Рукопись РГАДА, ф. 381, № 172 (Тип., № 367) (по КСДР).
- ПС XI–XII – Синайский патерик. М., 1967.
- Сав – Саввина книга. Труд В. Щепкина / Памятники старославянского языка. Том I, вып. 2-й. СПб., 1903.
- СбТр XII/XIII – Сборник слов и поучений конца XII – начала XIII в. Рукопись РГБ, Тр.-Серг., № 12 (по КСДР).
- СБУ XII/XIII – Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- СДРЯ I–IV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Том I–IV. М., 1988–1991.
- СкБГ XI – Сказание о Борисе и Глебе конца XI в. (по Успенскому сборнику XII–XIII вв.).
- Срезн. – И.И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. Том I–III. СПб., 1893–1903.
- Супр – Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова / Памятники старославянского языка. Том II, вып. 1-й. СПб., 1904.
- УСт XII/XIII – Устав студийский церковный и монастырский, конца XII или начала XIII в. Рукопись ГИМ, Син., № 330 (по КСДР).
- ЧудН XII – Златоструй и отрывок Торжественника XII в., ГПБ, Ф. п. I, 46 (по КСДР).
- V&Sl – Korečny F. Základní všeslovenská slovní zásoba. Praha, 1981.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бигрянский И.М.* 1960 – Имя числительное в русском языке XI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960.
- Белић А.* 1932 – О двојини у словенским језицима. Београд, 1932.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* 1963 – Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
- Вайан А.* 1952 – Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Виноградов В.В.* 1938 – Современный русский язык. Вып. 2: Грамматическое учение о слове. М., 1938.
- Грамматика 1970* – Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970.
- Дровникова Л.Н.* 1985 – История числительных в русском языке. Владивосток, 1985.
- Еленски Й.* 1978 – Параллелизм в развитии количественных сочетаний в славянских языках // Славянска филологија. Т. XV: Езикознание. София, 1978.
- Жолобов О.Ф.* 1997 – Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997.

- Журавлев В.К. 1991 – Диахроническая морфология. М., 1991.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Кудрявцев Ю.С. 1996 – Русский dualis как живая категория // *Russian linguistics*. V. 20 (2–3). 1996.
- Лосев А.Ф. 1993 – Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
- Лосев А.Ф. 1994 – Миф. Число. Сущность. М., 1994.
- Мейе А. 1951 – Общеславянский язык. М., 1951.
- Мещанинов И.И. 1978 – Члены предложения и части речи. М., 1978.
- РЯ 1989 – Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989.
- Мифы 1997 – Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1–2. М., 1997.
- Сурун А.Е. 1969 – Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969.
- Топоров В.Н. 1980 – О числовых моделях в архаичных текстах // *Структура текста*. М., 1980.
- Фасмер М. – Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Хабургаев Г.А. 1990 – Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 1999 – Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // ВЯ. № 4. 1999.
- Aitzetmüller R. 1978 – *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*. Freiburg i. Br., 1978.
- Cassirer E. 1956 – *Philosophie der symbolischen Formen*. Tl. I: Die Sprache. Darmstadt, 1956.
- Comrie B. 1992 – *Balto-Slavonic // Indo-European numerals*. Berlin; New York, 1992.
- Delbrück B. 1968 – *Altindische Syntax (Reprographischer Nachdruck der 1. Auflage. Haale an der Saale 1888)*. Darmstadt, 1968.
- Dragunov A.A. 1960 – *Untersuchungen zur Grammatik der modernen chinesischen Sprache*. Berlin, 1960.
- Gvozdanović Ja. 1992 – *Remarks on numeral systems // Indo-European Numerals*. Berlin; New York, 1992.
- Humboldt W. von 1963 – *Über den Dualis (1827) // W. von Humboldt. Werke*. Bd. 3: Schriften zur Sprachphilosophie. Darmstadt, 1963.
- Kiparski V. 1967 – *Russische historische Grammatik*. Bd. II: Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg, 1967.
- Krause W. 1955 – *Tocharisch / Handbuch der Orientalistik*. Bd. 4. Abschnitt 3. Leiden, 1955.
- Lehmann W.Ph. 1988 – "The divine twins" or "The twins... divine?" // *Languages and cultures*. Berlin; New York; Amsterdam, 1988.
- Lehmann W.Ph. 1991 – Residues in the early Slavic numeral system that clarify the Development of the Indo-European system // *General linguistics*. V. 31. № 3–4. 1991.
- Lohmann J. 1956 – "Wort" und "Zahl" // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. XXV. 1956.
- Numbers 1961 – *Numbers // Encyclopædia of religion and ethics*. V. IX. Edinburg, 1961.
- Plank F. 1989 – *On Humboldt on the dual // Linguistic categorisation*. Amsterdam / Philadelphia. 1989.
- Šerech Ju. 1952 – *Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen*. Lund, 1952.
- Smoczyński W. 1989 – *Studia bałto-słowiańskie. Część I*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1989.
- Stopa R. 1963 – *Prymitywizm kultury i języka Buszmenów // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. Z. XXII. 1963.
- Szemerényi O. 1960 – *Studies in the Indo-European system of numerals*. Heidelberg, 1960.
- Unger M. 1998 – *Studien zum Dual. Eine Darstellung am niedersorbischen Neuen Testament des Mikławuš Jakubica (1548)*. München, 1998.
- Vaillant A. 1958 – *Grammaire comparée des langues slaves*. T. II: Morphologie. Première partie: Flexion nominale. Lyon; Paris, 1958.
- Vondrák W. 1928 – *Vergleichende slavische Grammatik*. II. Band: Formenlehre und Syntax. Göttingen, 1928.
- Winter W. 1992 – *Some thoughts about Indo-European numerals // Indo-European Numerals*. Berlin; New York, 1992.
- Žolobov O. 1997 – *Über Ergebnisse und Perspektiven der historischen Beschreibung des slavischen Duals*. I // *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 42(1). 1997.